

сообщается как нерелевантная для адресата и высказывание кодирует когнитивную информацию максимально близко к объективной действительности. Сравнение обязательной и необязательной информации показывает, что именно обязательная информация выражается средствами того, что традиционно считается грамматикой, в то время как необязательная информация кодируется тем, что обычно определяется как прагматика. О. Т. Йокояма подчеркивает тщетность попыток строго разграничить грамматику и прагматику, поскольку они неразделимы, переходят друг в друга: это два полюса кода, который люди используют для вербализации как универсального общечеловеческого опыта, так и узко личного опыта.

Общие положения теории речевого обмена изложены в первой части книги, вторая же часть представляет собой анализ того, как прагматические и грамматические факторы контролируют порядок следования элементов, место фразового ударения и синтагматическое сегментирование в русском языке. Показывается, каким образом в русском высказывании, начинающем речевое общение, закодирована оценка типов знания говорящим, каким образом принципы и регулярные особенности начинающих речевое общение высказываний «работают» в высказываниях, не начинающих речевое общение, каким образом порядок русских инициальных высказываний обусловлен предшествующим высказыванием. В целом

необходимо отметить, что главы, посвященные русскому языку, достойны самого пристального внимания русистов [5].

Книга О. Т. Йокояма — образец блестящего лингвистического исследования, теории большой объяснительной силы. Любой лингвист найдет в этой работе много полезного, а специалисты в области прагматики — в особенности: вряд ли прагматические изыскания продвинутся вперед, если не учесть прагматических универсалий, описанных в книге, — субъективного характера речевого общения, навязывания знания, необходимости использования онтологически важных предикатов в высказываниях, начинающих речевое общение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вартофский М. Репрезентация и научное понимание. М., 1988.
2. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.
3. Шаумян С. К. Теоретические основы трансформационной грамматики // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.
4. Демьянков В. З. Лингвистическая теория в 80-е годы за рубежом: Введение // Проблемы современного зарубежного языкознания (80-е годы). М., 1988.
5. Brown J. E. // Russian language journal. 1988. V. XLII. № 141—143. Rec.: Yokoyama O. T. Discourse and word order.

Голубева-Монаткина Н. И.

قەدىمقى ئۇيغۇر يېزىقىدىكى

مايترى سىمىت. 1. ئىسراپىل يۈسۈپ .

شىنجاڭ خەلق نەشرىياتى

[Майтрисимит древнеуйгурским письмом. 1. Публикацию подготовил Исрапыл Ю суп. Урумчи: Шинжанг халк нешрияти. 1988. 524 с.]

В Китайской Народной Республике издана часть памятника древнеуйгурской письменности «Майтрисимит». По своей важности данное событие не может быть обойдено вниманием, поскольку факсимильное издание вновь найденного списка

«Майтрисимит» ученые тюркологического мира ждали очень давно. Турецкий специалист Шинаси Текин, осуществивший публикацию транслитерации и перевода «Майтрисимит» в 1980 г., с горечью писал, что ни официальные, ни частные попытки

получить микрофильм этого списка памятника не имели успеха [1, с. 11]. С изданием нового списка ученые-востоковеды, тюркологи получили возможность ознакомиться с замечательным материалом для изучения языка, истории религии, этнографии и культуры уйгуров.

Время сохранило множество памятников древнеуйгурской письменности буддийского содержания. Это и сутра «*Suvarnaprabhāsa*», сутра «*Sekiz jūtmāk*», сутра «*Tiṣṭavustik*», часть сутры «*Avalokiteśvara*», именуемая чаще «*Kuanšim pusaṭ*», история принцев Кальянамкара и Папамкара, перевод с китайского языка жизнеописания буддийского монаха-путешественника Сюань-цзяна и другие [2]. Особое место среди них занимает «Майтрисимит» — «Встреча с Майтреей».

Майтрея — это один из самых почитаемых и авторитетных ликов буддийского пантеона. По буддийским представлениям, будда Майтрея должен вступить на землю со спасительной миссией и занять место будды Шакьямуни тогда, когда все резервы «пути» освобождения от страданий будут исчерпаны [3]. Культ Майтреи был широко распространен в Турфанском оазисе. По свидетельству А. фон Габен, в Кочо и в западных соседних оазисах часто встречаются в монашеских кельях в гротах между скалами, в частности, над входными дверями, фрески с изображением Майтреи и его окружения. На нескольких «сутрах-колоннах» в Кочо и в Ганьсу на каждой восьмой табличке выгравировано изображение Майтреи [4, с. 20].

Само же произведение «Майтрисимит» повествует о праведных делах, совершаемых спасителем буддой грядущего Майтреей. Это драматическое произведение, о чем свидетельствует то, что в начале каждой главы следует указание на место действия [4, с. 15], исполнялось с музыкальным сопровождением.

Преобладающее мнение исследователей таково, что легенда первоначально была создана на санскрите, а затем переведена на тохарский язык монахом Арьякантра. Позже с тохарского произведение переводится на древнеуйгурский язык неким Прайнаракшита, о чем сообщается в колофоне к тексту. Что же касается датировки перевода на древнеуйгурский язык, то на сей счет имеются различные предположения. Например, китайский ученый Фэн Цзя-шен указывает на промежуток между X и XI вв. [1, с. 11]. Однако наиболее аргументированной представляется позиция Ш. Текяна. Он полагает, что памятник переведен на древнеуйгурский язык в первой половине VIII в., о чем свидетельствуют как палеографические особенности рукописи, так и упоминание к колофону санскритского имени

Кланпатри, которое обнаружено и в тексте на столбе одного буддийского монастыря в этом регионе [1, с. 9].

Всего, по мнению А. фон Габен, существует шесть списков (не считая памятника, найденного в Хамийском округе), из которых два обнаружены в древней библиотеке севернее Сянжима (*Sāngima*), два муртукских и два неизвестного происхождения. Они хранятся в Берлине и в Майнце, все идентичны, различаются лишь названиями первой главы [4, с. 14].

Версия, обнаруженная в Синьцзяне, считается самым полным списком «Майтрисимит». Фэн Цзя-шен в 1962 г. в газете «Культурные памятники» опубликовал сообщение, где говорилось, что в округе Хами (Кумул) найден буддийский храм, «в котором среди прочего были обнаружены 608 табличек, написанных различными почерками уйгурского письма» [5]. По имени местности этот список был назван Хамийской версией (уйгурские ученые называют ее Кумульской). Позднее Фэн Цзя-шен издавал отдельные листы этого списка, снабжая их транскрипцией и переводом на китайский язык.

Рецензируемый том включает факсимиле 63 листов (126 страниц) текста памятника. Текст довольно хорошо читается, за исключением страниц, которые, к сожалению, из-за ограниченных полиграфических возможностей не столь отчетливо воспроизведены.

Издание состоит из двух частей: уйгурской и китайской (с отдельной пагинацией). В уйгурской части после «Предисловия» (с. 1—12), где кратко изложены история находки рукописи, история изучения этого памятника, дано описание рукописи, следуют: перевод на уйгурский язык (с. 1—126) и комментарий к тексту, насчитывающий 304 примечания (с. 127—148); грамматический комментарий, где представлен 51 морфологический показатель языка Кумульской версии «Майтрисимит» (с. 149—150), и древнеуйгурско-новоуйгурско-китайский словарь, включающий около 800 слов и словосочетаний (с. 151—176). Китайская часть включает: «Предисловие» (с. 1—8), перевод на китайский язык (с. 9—72), комментарий к тексту (с. 73—90) и грамматический комментарий (с. 90—91). К китайской части приложены индекс (с. 92—94), список условных обозначений и список использованной литературы, включающий 8 названий (с. 95). Транскрипция текста формально включена в китайскую часть (с. 97—221).

К сожалению, приходится констатировать, что данное издание не лишено некоторых недостатков. Факсимиле текста и транскрипция не имеют пагинации, что вызывает определенные трудности при сверке. В «Предисловии» нет точных ука-

заний изданий, на которые ссылается автор.

Транскрипция текста имеет те же недостатки, которые присущи многим другим публикациям древнеуйгурских текстов. Известно, что до сих пор не выработан единая методика транскрибирования памятников древнеуйгурского письма. Практически всякое чтение памятников представляет собой ту или иную фонологическую интерпретацию показаний графики [6]. Это связано с тем, что до сих пор не осуществлена полная реконструкция фонологической системы древнеуйгурского языка. Несомненно, в тюркологии предпринимались попытки осветить тот или иной эпизод системы фонем, например, в работах В. В. Радлова, В. Томсена, С. Е. Малова, М. Рясняна, Л. Юхансона и других. Однако данные исследования остаются или фрагментарными, или же основаны на общетюркологических представлениях и не учитывают особенностей именно древнеуйгурского языка [7].

В тюркском языкознании существует давний теоретический спор о составе древнеуйгурского вокализма, имеющий прикладное значение: по мнению ряда тюркологов, было восемь гласных фонем: /a/, /ə/, /o/, /ɔ/, /i/, /ɨ/, /u/, /ʊ/, а другие реконструируют девять гласных фонем, считая полуширокую /ə/ самостоятельной фонемой. Исрапыл Юсуп, подготовивший данное издание, также выделяет /ə/ как самостоятельную фонему, например, слово «ветер» он реконструирует как *uə* (в памятниках выписаны графемы «йай», «йай», «лям» — JLL, «пяты» — bəx (BJS), «давать» — bər- (BJR), «рука» — əlik/g (JLJK), но в некоторых случаях в его словаре дается альтернативное прочтение: əlig ~ ilik «рука», əlqi ~ ilqi «посол», təgin ~ tigin «принц» и др. Вполне естественна вариативность в транскрибировании, поскольку с предполагаемыми фонемами /ə/ и /i/ коррелирует одна графема «йай».

Еще В. Томсен высказал мысль, что предполагаемая полуширокая фонема /ə/ передавалась специальной графемой в орхон-енисейских памятниках [8]. За существование трехступенчатой оппозиции /a/ ~ /ə/ ~ /i/ в языке карахандидского периода выступает М. Мансуроглу [9]. На существование полуширокой палатальной гласной фонемы в староанатолийско-тюркском языке указывает В. Г. Тузев [10]. Несмотря на имеющееся мнение о древности фонетического явления сужения гласной фонемы /ə/ в /ə/ под влиянием /i/ в последующих слогах [11] и на показание диалектов современного уйгурского языка, где также в некоторых случаях отмечается сужение гласной /ə/ в результате регрессивной ассимиляции

узкого гласного /i/ [12, 13] или «замещение ... гласного /ə/ звуком (разрядка наша. — С. К.) /ə/ (е) в слабой, лишенной ударения позиции слова» [14], возможность существования /ə/ как самостоятельной фонемы в языке памятника трудно доказуема. Сужение гласного /ə/ в современном уйгурском языке вызвано влиянием индифферентной по отношению к ряду фонемы /i/, которая явилась результатом конвергенции фонем /i/ и /i/ [15]. Данная конвергенция в языке «Майтрисимит» не наблюдается, т. е. /i/ и /i/ выступают как самостоятельные фонемы. Если бы фонемы /i/ и /i/ находились в процессе конвергенции в языке памятников древнеуйгурской письменности, то данное явление должно было отразиться в орфографии, как, например, в монгольской письменности, где в результате исчезновения фонемы /i/ «введено было новое правило, позволявшее писать букву *karh* для обозначения заднеязычных шумных *k* и *g* в словах заднего ~ гуттурального ряда перед *i*, появившимися на месте старого *i*» [16]. Однако в орфографии древнеуйгурских памятников и в более позднее время прослеживается четкая дифференциация ряда, что подтверждается неукоснительным выписыванием графем «каф» в твердых словах и «яф» в передеряжных словах. Не представляется возможным реконструировать фонему /ə/, опираясь на показания графики, отчасти и потому, что не наблюдаются какие-либо перебои в написании. Повсюду, где реконструируется /ə/, в тексте выписывается графема «йай».

Далее. Даже при условии, что звук /ə/ существовал в безударной позиции, о чем мы можем лишь догадываться, тем не менее возводить его в ранг фонемы нецелесообразно, если принять во внимание определение фонемы как абстрактного объекта, отождествленного со множеством фонологически минимальных, функционально эквивалентных сегментов (фонов), являющегося языковой единицей и служащего в данном языке для опознания и различения морфем [17]. Данное определение приобретает особую релевантность при фонологической интерпретации древнеписьменных памятников, когда исследователю не представлен физический (звуковой) инвентарь речи.

Исходя из изложенного, наиболее корректным будет не транскрибировать аллофоны при фонологической транскрипции письменных памятников и, следовательно, интерпретировать графему «йай» в определенных позициях фонемой /i/, что осуществлено на практике Л. Ю. Туговой [18].

Вызывает также некоторое сомнение использование букв латинского алфавита

для обозначения отдельных фонем языка «Майтрисимит». Выбор знаков для передачи какой-либо фонемы не может быть совершенно произвольным, поэтому представляется необоснованным применение знака *q* для обозначения фонемы /č/, знака *x* — для /š/ или /s/, *q* — для /ɣ/. Возможно, в данном случае на выбор знаков повлияла транскрипция на латинской основе, принятая в КНР для передачи звуков китайского языка. Тем не менее, необходимо было бы учитывать общепринятую международную транскрипцию.

Несмотря на высказанные выше замечания, следует признать, что сам факт издания части Кумульской версии «Майтрисимит» безусловно является событием большой важности. Хочется надеяться на скорейшую публикацию остальных частей списка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Tekin S. Maitrisimit nom bitig. Die uigurische Übersetzung eines Werkes der buddhistischen Vaibhāsika-Schule. I. Tl: Transliteration, Übersetzung, Anmerkungen. В., 1980.
2. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
3. Кочетов А. Н. Буддизм. 2-е изд. М., 1983. С. 74, 107.
4. Gabain A. von. Maitrisimit. Faksimile der alttürkischen Version eines Werkes der buddhistischen Vaibhāsika-Schule. II. В., 1961.
5. Фэн Цзя-шен. Feng Chia-sheng // Wên-Wu. 1962. Nr 7—8. S. 90—95.
6. Габен А. Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986. С. 173.
7. Насилов Д. М. Транслитерация? Транскрипция? Трансграфика? Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Алма-Ата, 1983. С. 47.
8. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С. 28—29.
9. Mansuroğlu M. Das geschlossene e im Karachanidischen Türkisch // UAJb. 1957. XXIX. 3—4.
10. Гузев В. Г. Фонетика староанатолийско-тюркского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966. С. 12—13.
11. Талипов Т. Развитие фонетической структуры уйгурского языка. Алма-Ата, 1972. С. 53—54.
12. Кайдаров А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. Алма-Ата, 1969. С. 156—158.
13. Садвакасов Г. С. Язык уйгуров Ферганской долины. Ч. 1. Алма-Ата, 1970. С. 14—15.
14. Талипов Т. Фонетика уйгурского языка. Алма-Ата, 1987. С. 188.
15. Талипов Т. К вопросу об индифферентных И и Е(Э) и связанных с ними звуковых изменениях в современном уйгурском языке // Исследования по уйгурскому языку. Вып. 2. Алма-Ата, 1970.
16. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. 2-е изд. М., 1989. С. 122.
17. Касевич В. Б. Морфонология. Л., 1986. С. 5.
18. Тугушева Л. Ю. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзяна. М., 1980.

Сарыбаев К.